

УДК 94

Старосельцев А.А.¹

**ОБРАЗ «ДРУГОГО» В КОНТЕКСТЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ:
ВЗГЛЯД С ЗАПАДА**

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Starosel'tsev A.A.

**THE IMAGE OF "ANOTHER" IN THE CONTEXT OF CROSS
HICKING: LOOK FROM THE WEST**

Yelets State University

Реферат: *В данной статье исследуется проблема восприятия западными хронистами образа мусульман и мусульманского мира в период средневековья. Проблема рассматривается в ключе крестоносного движения, на примере столкновения двух мировых цивилизаций.*

Ключевые слова: *образ другого, крестовые походы, религия, культура, восток.*

Abstract: *This article examines the problem of Muslim perception in the West and the characteristics given to them. As well as the evolution of approaches and tools used by Western chroniclers, while trying to characterize both the Muslims themselves and the Islamic world as a whole. This topic is considered in the key of the crusading movement, on the example of the clash of the two world civilizations in all their cultural diversity.*

Keywords: *image of another, crusades, religion, culture, east.*

¹ Старосельцев Артем Александрович – магистрант 2 курса института истории и культуры, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Одной из основополагающих движущих сил в истории человечества было и остается столкновение чуждых или малознакомых друг другу цивилизаций. И, именно, благодаря разным культурам, традициям, нравам и устоям рождаются представления о собственной цивилизационной идентичности. Опорой, за счёт которой формируются данные представления, является конструирование никогда не существовавшего ранее образа, образа «Другого». Образ «Другого» - это важнейшая культурологическая и философско-психологическая категория, в которой концентрируются вопросы познания и бытия, а так же мера осмысления и понимания действительности.

Исходя из этого, очень важно попытаться посмотреть на мусульманский мир глазами средневековых писателей, исходя из системы их ценностей. К сожалению, проникнуть в головы к хронистам мы не сможем, но сделать взвешенный

анализ на имеющихся данных более чем возможно.

Изучая хроники крестовых походов, конечно же, обнаружится содержащаяся там доля вымысла. Изучая эти вымыслы и искажения, в основе своей исследователи ставят конкретный вопрос о том, «в какой мере созданный хронистами образ мусульман отвечает действительности, как отделить фантастические элементы от реальных деталей» [1, с.37]. Подобное мы будем рассматривать и в данной статье.

Формируя образ ислама, в сознании хронистов смешивались между собой не только письменная и устная, но и визуальные традиции. Только целостное и совокупное их изучение способствует исследованию средневекового образа «Другого» [1, с.43].

Представление о мусульманах создается хронистами с помощью различных лингвистических средств. Например, обозначая иноверцев, хронисты применяют разнообразную специфическую лексику: мусульмане именуется "врага-

ми Господа", "спутниками дьявола", "врагами Бога и святого христианства". Им противопоставляется "народ Божий", "племя Христово", "рыцари Христовы", "паломники".

При этом, важно выделить, что все «свое», а именно - конфессия и культура - оценивается положительно; отрицательным смыслом наделяется всё «чужое». Антитеза "свои - чужие" всегда эмоционально окрашена, поэтому мусульмане для хронистов "самые враждебные варвары" (*ainiquissimi barbari**), "варварское племя" ("*gens Bag̃aga*"), "непристойные, вне брака рожденные турки" ("*Turci spur̃ et immundi**"), "нечестивое племя" ("*gens nefaria*") [2, с.120].

Немаловажным является и тот факт, что для подавляющего большинства средневековых писателей мир представляется собой дуалистическим, а именно, эмоционально делимым на две части: на одной из которых - силы Зла – (мусульмане). На другой же стороне - силы Добра -(христиане). Дан-

ная дихотомическая структура языка отражает и аналогичную структуру сознания. Употребляемая лексика и внедренные языковые средства средневековых писателей призваны только для одной цели - создания негативного образа мусульман. Имея это в виду, становятся более понятно частое употребление в одностороннем порядке пары терминов, например, "христиане-язычники" ("*Christiani-pagani*", "*Christtani-gentiles**").

В целом, можно говорить о том, что хронистам неплохо известна политическая карта и политическая иерархия мусульманского Востока. Они, верно, подмечают политическую раздробленность мусульманского мира, ориентируются в политической системе мусульманского Востока, отмечая роль султана (так называемого "султана" или "короля персидского" или "короля Хорасана") как главы светской власти и роль халифа как главы религиозной. Следует особо отметить, что в описании политических реалий наиболее

четко проявляется влияние античной традиции на хронографию средневековья.

Чтобы лучше понять политическую реальность Востока, хронисты преломляют свой опыт сквозь призму их прежних знаний об античной истории, литературной традиции и их представлении о своей иерархии. Они не могут иначе помыслить политическую структуру мусульманского мира.

Основополагающей для хронистов того времени была цель создать "эффект реальности", заставляя читателя поверить в то, что сообщается о мусульманах. Хронисты используют различные словесные фигуры, а именно: сравнения, аналогии, переводы и, наконец, инверсии. Именно, эти приёмы представляют собой некий крайний предел «чуждости», наиболее четко характеризуют те отношения, которые испытывались к «другому» [3, с.85].

По существу, инверсия – основной инструмент, который чаще всего используют хронисты для

подчеркивания различий между миром христиан и мусульман.

Рассказывая о «другом», авторы хроник подразумевают, что существуют два противопоставленных друг другу элемента: "наши" (nostris) и "те", "они" (illi), христиане и мусульмане. Именно, через фигуру инверсии хронисты пытаются осмыслить образ «другого», но при этом происходит изъятие и замена второго элемента этой конструкции. Мусульмане как таковые уходят на второй план, остаются только христиане, и «другой» превращается в своеобразное "анти - Я". Всё христианское - универсализируется, а всё мусульманское наоборот лишь рассматривается в уподоблении.

Так, например, сообщая о похоронном ритуале мусульман, первые Западные хронисты проецируют свои собственные символические христианские традиции на чужие обычаи, используя приём инверсии, противопоставляют «скромному» обряду захоронения у христиан якобы «богатый» ритуал

иноверцев. В результате многие аспекты мусульманского ритуала полностью или частично игнорируются. Более того, отличия иноземных обрядов не берутся в расчет, а так же наделяются отрицательным смыслом, благодаря инверсии, при этом «другой» занимает своё место только на стороне сил Зла. Данная формула описания «другого» является наиболее распространённой ещё со времен античности [2, с.173].

По данному принципу инверсии, в достаточно контрастной форме рассказано и об основателе ислама Мухаммеде. Он назван лжепророком и противопоставляется истинному пророку христиан. По этой же аналогии оценивается и закон Мухаммеда.

Так же инверсия используется хронистами и при рассказе о моральных качествах мусульман. Христианскому смирению (*humilitas*) противопоставляется мусульманская гордыня (*superbia*), так же как все остальные добродетели крестоносцев – грех для ино-

верцев. Похожим смыслом хронисты наделяют и описание мусульманской военной тактики. Они считали её вероломной, противопоставляя собственным правилам благородного рыцарского боя. Отрицательные для европейца того времени качества мусульман проявляются и в других сферах, например в дипломатии. Большая часть институтов и реалий арабского мира так же показываются читателю по принципу антитезы [3, с.164].

Перевод, так же является инструментом, используемым для осмысления реальности. По большей части «чуждость» и есть процедура перевода. Отсюда вытекает и её цель – подчёркивание различий.

Язык переводим, и потому различие может быть интерпретировано. Достаточно часто в хрониках отличия между арабами и франками являются именно проблемой языка.

Неслучайно хронисты, проводя диалоги между крестоносцами и арабами, дают переводы имен, географических названий. Частое

употребление арабских слов по большей части рассчитано на экзотический эффект [1, с.230].

Так же, в формировании образа «иноверца» использовались и многочисленные символические традиции Средневековья: античная, церковная, литературная, библейская, и др. Интерпретация мусульманских реалий в хрониках в основе своей опиралась на своеобразный предыдущий опыт, который давал идеологические и литературные традиции в культуре.

То есть, смысловое пространство, о котором идёт речь, имело свои корни в скрещивании различных «культурных кодов», подчёркивая в итоге собственную уникальность. В большей степени, западные хронисты имели опору на церковную традицию, и благодаря этому, интерпретация образа «другого» в их произведениях происходит именно в контексте культурных оппозиций христианство-язычество [6, с.128].

Сконструированный хронистами Запада образ ислама – это

представление о чужой религии. Оно проявляется и во всех прочих представлениях. Исследователи неоднократно убеждались в том, что образ «другого» в Средние века строится в строгом соответствии с религиозными критериями.

Средневековая культура составляет собственный образ «другого», полностью или частично основываясь на собственной картине мира. В данном смысле, образ «другого» есть ни что иное, как образ себя. В духе церковной традиции мусульмане часто рассматриваются как воплощение демонического зла или как обозначение наступающего царства Антихриста, а иногда (исходя из античной традиции) - как воплощение чудесного, экзотического. Ветхозаветная традиция также имеет отношение в создании образа исламского мира: через библейские образы исходили корни мифов об идолопоклонничестве мусульман, а так же об их моральном несовершенстве. Восприятия хронистов в большей своей части отягощены собственным

культурным наследием и исходящими из них представлениями об окружающем мире

Но, со временем, проявляется новая определенная тенденция при описании мусульманского мира, а именно – эволюция в сторону реализма. Ранее, реальный опыт и впечатления преломлялись через своеобразную призму стереотипов, но уже у Гийома Тирского традиционные методы постепенно вытесняются на конкретные сведения и наблюдения.

Данный хронист даёт описание мусульманскому миру уже не только, используя предшествующие знания и традиции, но и исходя из непосредственного опыта. Символические изображения «другого» заменяются его хронике на более или менее реалистичные описания. Другие важные процессы так же сообщают нам о повествовательной манере хронистов и её изменении. Вместо собирательных образов и портретов мусульман в хрониках Гийома Тирского преобладают по большей части индиви-

дуальные портреты вождей и политических деятелей от мира ислама.

Между первыми хрониками крестовых походов и трудами Гийома Тирского обнаруживаются и другие различия, касающиеся манеры повествования, и самой сути понятия «другого». Так, первые западные хронисты в большинстве своём рассказывают о произошедших событиях от первого лица. Данный метод может иметь конкретную цель, придать большую значимость о сообщении. Рассказывая свою точку зрения и говоря от первого лица, можно проследить, что хронисты употребляют настоящее время, показывая этим, что действие происходит здесь и сейчас.

Характерны так же изменения и в употребляемой хронистами терминологии. Давая характеристику «другому», хронисты первого крестового похода называют мусульман *gentiles*, *pagani*. Несмотря на ряд оттенков, эти термины имеют схожий смысл: мусульмане – язычники. Однако Гийом Тирский

употребляет уже термин *infideles* (неверные). Из этого можно сделать вывод, что он имеет ещё более терпимую установку относительно чуждых народов. Стоит предположить, что мусульмане для него – представители другой религии [2, с.279].

К началу XII в. устная традиция всё еще занимает большую значимость, чем письменная. В хрониках первого крестового похода можно обнаружить знаки присутствия устной культуры. На примере ряда сюжетов можно понять, что при описании мусульманского мира хронисты используют все те же языковые средства, которые были характерны для героических королевских песен. Можно предположить, что данные песни, вероятнее всего, использовались в лагерях крестоносцев, из устной традиции хронисты подчеркивали основные сюжеты и образы для собственных сочинений. Значимость данной традиции, имеющая цель развить культуру памяти, вытесняется более новым опытом. Стоит отметить

так же и то, что в историографии данного периода с середины XIIв. прослеживается уменьшение влияния устной традиции в пользу визуальной (свидетельством этого является хроника Гийома Тирского) [2, с.284].

Многие иконографические модели эпохи крестовых походов имеют хорошо выраженные заимствования из старо-французского эпоса. Например, в хрониках Гийома Тирского формировались и принимали устойчивые формы некоторые стереотипы такие, как моральное несовершенство мусульман или подчёркивание их идолопоклонства. Большая часть данных стереотипов будет существовать ещё достаточно длительное время.

В "Песне о Роланде" так же создается и особая внешность мусульманина: борода, тюрбан и смуглая кожа являются его неотъемлемыми атрибутами [5, с.364]. Все эти стереотипы, которые присутствуют у хроников первого крестового похода, менее ощутимы в сочинении Гийома Тирского. Но

позже они встречаются в иконографии хроник, а затем в сочинениях посещавших Святую Землю миссионеров и паломников XIII-XIV вв. Некоторые стереотипы, имевшие свои корни в эпоху крестовых походов, были обозначены и в иных ситуациях. Можно приводить различные примеры, будь то освоение Америки или Азии. Так происходит эволюция стереотипов, но основная визуализация при этом не меняется.

Подводя итоги, можно сказать о том, что одни и те же характеристики «Другого», наиболее характерны для хроник и иконографических источников. Ложные представления о мусульманском мире, их вере, их моральных качествах отражены, как и во многих памятниках, так и в иконографии.

Все эти традиции разделяются на составные части лишь в современном исследовательском сознании, но в эпоху Средневековья они представляли собой нерушимую, монолитную, но при этом дуалистическую картину мира, на разных чашах которой стояли представления о «добре» и «зле».

И только в более поздний период с появлением Гийома Тирского началось постепенное преобразование методов, используемых хронистами. Сравнения, аналогии и инверсии все ещё остаются довольно значимыми приёмами, но на смену античным и библейским представлениям приходят другие. Вместо жесткой антитезы «Я - анти Я», всё большую значимость приобретает стремление к реализму.

Список литературы

1. Успенский Ф. История крестовых походов М.: Дарь, 2005.
2. Лучицкая С.И. Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
3. Заборов М. А. Папство и крестовые походы. М. Изд-во АН СССР.1960.

4. Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1986.
5. Боура С.М.. Героическая поэзия = Heroic Poetry. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 808 с.
6. Доманин А. «Крестовые походы. Под сенью креста» М., 2003.
7. Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство / пер. с фр. А.Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2002.
8. Перну Р. Крестоносцы / пер. с фр. А.Ю. Карачинского, Ю.П. Малинина. М.: Вече; СПб.: Евразия, 2006.
9. Виймар П. Крестовые походы: миф и реальность священной войны / пер. Д.А. Журавлевой. СПб.: Евразия, 2003.
10. Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Reference

1. Uspenskij F. Istorija krestovyh pohodov M.: Dar', 2005.
2. Luchickaja S.I. Obraz Drugogo. Musul'mane v hronikah krestovyh pohodov. SPb., 2001.
3. Zaborov M. A. Papstvo i krestovye pohody. M. Izd-vo AN SSSR.1960.
4. Zaborov M.A. Istorija krestovyh pohodov v dokumentah i materialah. M., 1986.
5. Boura S.M.. Geroicheskaia poezija = Heroic Poetry. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 808 s.
6. Domanin A. «Krestovye pohody. Pod sen'ju kresta» M., 2003.
7. Rishar Zh. Latino-Ierusalimskoe korolevstvo / per. s fr. A.Ju. Karachinskogo. SPb.: Evrazija, 2002.
8. Pernu R. Krestonoscy / per. s fr. A.Ju. Karachinskogo, Ju.P. Malinina. M.: Veche; SPb.: Evrazija, 2006.

9. Vijmar P. Krestovye pohody: mif i real'nost' svjashhennoj vojny / per. D.A. Zhuravlevoj. SPb.: Evrazija, 2003.
10. Montgomeri Uott U. Vlijanie islama na srednevekovuju Evropu. M., 1976.